

<отрывок; о Радищеве>

...В 1789 случился вот какой случай: один неважный молодой человек, отужинав с друзьями в Петербурге, поехал в почтовой кибитке в Москву. Первую станцию он проспал, на второй, в Софии, он долго хлопотал о лошадях и, должно быть, оттого разгулялся так, что, когда свежая тройка понесла его, звеня колокольчиком, он, вместо сна, стал слушать песню ямщика на свежем утреннем воздухе; странные мысли пришли в голову неважного человека. Вот его слова:

«Извожик мой затянул песню по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого.— *На сем музыкальном расположении народного уха, умеи учреждать бразды правления.* В них найдешь образование души нашего народа. *Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива.* Если хочет разогнать скуку, или как то он сам называет, если захочет, повеселиться, то идет в кабак... *Бурлак, идущий в кабак, повеса голову, и возвращающийся обгаренный кровью от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской.*»

Ямщик все плачет свою песню; путник все думает свою думу, и, не доехав до Чудова, он вдруг вспомнил, как он в Петербурге когда-то ударил своего Петрушку за то, что он был пьян, да и заплакал, как ребенок, и, не краснея за дворянскую честь, имел бесстыдство написать: «О есть ли бы он тогда, хотя пьяной опомнился, и тебе отвечал бы со-размерно твоему вопросу!»*

* Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву».

От этой песни, от этих слез, от этих слов, потерянных на почтовом тракте, между двух станций, надобно считать одну из начальных точек обратного течения; зачатие делается всегда тихо, и след его обыкновенно сначала пропадает.

Императрица Екатерина поняла, в чем дело, и изволила «с жаром и чувствительностью» сказать Храповицкому: *
«Радищев — бунтовщик хуже Пугачева!»

Удивляться, что она его отослала в целях в Илимский острог — нелепость. Гораздо удивительнее то, что Павел воротил его; но он это сделал назло покойной матери, — другой цели у него не было.

С тех пор время от времени являются какие-то потерянные, безгромные зарницы; являются люди, воплотившие в себя историческое угрызение совести, бессильные искупители, неповинные страдалцы за грехи отцов. Многие из них готовы были все отдать, всем пожертвовать, но не было алтаря, некому было принять их жертву. Одни стучались во дворец, на коленях умоляли опомниться; их речь будто потрясала венценосцев, но из этого ничего не вышло; другие стучались в избу, но не могли ничего сказать мужику, — так разошлись их языки. Крестьянин смотрел сурово и недоверчиво на этих «дары несущих данаев» и с горестью отходили от него раскаивающиеся, сознавая, что у них нет родины.

Сироты мысли, сироты любви, иностранцы дома, разобщенные между собой, эти пять—шесть лучших людей в России гибли в праздности, окруженные безучастием, ненавистью, непониманием. Новиков сидел в крепости, Радищев — в Илимске. Хороша им показалась, вероятно, Россия, когда Павел их выпустил...

...Ничего нет удивительного, что все с упованием взглянули на Александра.

Молодой, прекрасный собой, с кротким и задумчивым взглядом, застенчивый и чрезвычайно приветливый, он мог очаровать их. Разве он не страдал о болях России, как они? разве он не хотел их исцелить, как они?.. но он, *сверх того, и мог* это сделать так, по крайней мере, им казалось.

И Радищев, дорого заплативший за то, что пожалел черную Русь, идет с такой же верой, как Каразин, предлагать свои силы юному императору, и его он принимает. Рьяно бросается Радищев на работу, пишет ряд законодательных проектов, которые должны вести к уничтожению крепостного состояния, телесных наказаний. Но вдруг, как-то потолковавши, не с ямщиком, а с графом Завадовским, он остановился, замялся, на него напало сомнение,

* Александр Васильевич, сенатор и статс-секретарь.

страх; он подумал, подумал, налил себе стакан купоросного масла и выпил его. Александр послал к нему своего лейб-медика Виллие — помочь было поздно. Виллие только сказал, глядя на черты агонизирующего: «должно быть, этот человек был очень несчастен!»

Должно быть!..